

The background of the entire page is a repeating pattern of teal-colored wavy lines. These lines form a series of connected, rounded shapes that resemble a stylized wave or a series of overlapping arches. The pattern is consistent across the entire surface.

Анатолий Агарков

Путь к себе

Кружит по миру дух, по телу
кружит кровь

Анатолий Агарков

**Путь к себе. Кружит по миру
дух, по телу кружит кровь**

«Издательские решения»

Агарков А.

Путь к себе. Кружит по миру дух, по телу кружит кровь /
А. Агарков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903312-3

Открыты параллельные миры. Реальным стал вопрос бессмертия. Идет дискуссия — гуманно ли похищать параллельных двойников для продления жизни? Где, как не в Зазеркалье, можно посмотреть, как обстоятельства формируют личность?

ISBN 978-5-44-903312-3

© Агарков А.
© Издательские решения

Содержание

Как я стал Богом	6
Путь к себе	7
1	8
2	18
3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Путь к себе

Кружит по миру дух, по телу кружит кровь

Анатолий Агарков

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-3312-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как я стал Богом (часть 5)

*О, сколько нам открытий чудных
Готовит просвещенья дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг.
И случай, бог изобретатель*
(А. Пушкин)

Путь к себе

*Кружит по миру дух, по телу кружит кровь:
О, как бы Истину увидеть сквозь покров!
Познание Тебя – не для земных умов:
Миры полны Тобой, но Ты – вовне миров.*
(*О. Хайям*)

1

В ту пору жил отшельником на Коралловом острове, а виртуальный критик давил на психику.

– Долго будешь бездельничать? Учти, жизнь не стоит на месте – открыты пути в параллельные миры, земляне путешествуют по спиральям.

– Пусть себе.

– Тебе не интересно – соблюдается ли меморандум?

– И?

– Соблюдается. Люди не похищают двойников за пределами реальности, но довольно активно вторгаются в тамошнюю жизнь.

– В чём это выражается?

– Почитай рукопись – результат одного из первых путешествий по спирали времени. На мой взгляд, поучительная.

Текст замерцал на экране монитора.

– Никак в писатели подался?

– Боже сохрани! Эту историю записал Алексей Гладышев из параллельного мира, столкнувшись с выходцами из нашего.

– Ну-ка, ну-ка....

Пробежал глазами несколько строк.

– У тебя откуда?

– Не важно.

Ну, ясный перец – спёр, а признаться стыдится.

Сел за чтение.

.... Наступает лето, и тебя неудержимо тянет на природу – в лес, на берег озера, где у ночного костра забываются волнения только что сданных (пусть кое-как) выпускных экзаменов, куда домчит лесными тропами (потому что нет государственного номера) из хлама собранный мотоцикл, и где незнакомые вчера девчонки будут пить с тобою водку на брудершафт.

Два-три дня пролетают незаметной чередой наисчастливейших часов. А потом всё заканчивается. И немного даже печально. Еда и питьё кончаются, и спазмы голода сводят живот. Девчонки – ночные чаровницы – уезжают с кем-то на машине. А твой самодельный «харвей» вдруг забарахлил и, как назло, не заводится. А тут ещё дождь настиг, развезло дорогу. Под крыльях мотоцикла забивается грязь, колёса клинит, и они не хотят крутиться. И хоть ты в дешёвых синих джинсах китайского пошива и спортивной майке, а кругом ночь, мрак, слякоть, сырость и собачий холод – от тебя пар валит, как от запаленной лошади.

Позади уже добрый десяток километров, но огней дома ещё не видать. Лес тянется вдоль дороги. В нём без дождя прохладно и влажно, пахнет прошлогодней листвой и грибами. В непроглядной тьме мерещится чьё-то движение. Тревожно шелестит листва.

А вот и кладбище – будь оно не ладно! Старый забор у обочины, за ним – кресты, оградки, обелиски. Тот же тревожный шелест в кустах.

Вперёд! Только не отвлекаться, не расслабляться. И без того на душе паскудно – тут не до страхов.

Линялые джинсы, обтягивающие худой мальчишеский зад, готовы лопнуть от напряжения. Проклятый мотоцикл все руки оттянул – никак не хочет крутить колёсами, просто валится на бок, и ни в какую. Размокшие кроссовки хлюпают в грязи, скользят. Их владелец падает, мотоцикл на него.

Всё, приехали! Сил нет – хоть ложись и помирай. Самое подходящее для того место.

.... Всё, что успел прочитать в этом вступлении, дорогой Читатель, и всё, что прочесть предстоит дальше, если не отпугнёт жуткость происшедшего – чистая правда, без придуманных неожиданностей, от которых кровь стынет в жилах, без закрученных криминальных сюжетов, выстроенных так, чтобы постоянно держать читателя на крючке.

Выдумывать ничего не пришлось. В том-то весь ужас, что ничего не пришлось выдумывать. То, о чём будет здесь рассказано, произошло в наши дни в южноуральском рабочем посёлке и его окрестностях – на тихих ночных улицах, в ординаторской райбольницы и на кладбище, на дискотеке в ДК и в музыкальной школе. Документальная повесть, я бы сказал. Кстати, модный ныне жанр, популярностью никак не уступающий детективу. У этого жанра есть свои каноны. Например, скрупулёзное следование факту, каким бы отвратительно реальным он ни был. Шаг за шагом хроника ведёт нас по следам от начала событий до их развязки, ничего не утаивая и не приукрашивая.

«Событие века!» – так окрестили его газеты, если бы репортёры что-нибудь пронюхали. До сих пор в нём тьма непонятного, непонятого и противоречивого.

Размышляя о происшедшем вновь и вновь, всё время ловлю себя на мысли – может быть, не пришло ещё время предавать огласки такие события, может быть, не готовы ещё земляне к встрече с инопланетными существами, а то, как бы ни развязать охоту на ведьм планетного масштаба. Достанется тогда и кладбищам, и покойникам, и нам, живым, грешным, посвящённым. Ну, да ладно, будь что будет. Рискну. Итак....

Дожди похитили весну. А может, оно и к лучшему – попробуй, усиди за учебниками, когда на улице сияет солнце, поют птицы, и природа благоухает так, что дух захватывает. А может, то небо плакало над Пашкиным скудоумием? Ведь вслед за выпускным вечером погода сразу наладилась, и солнце жарило во всю «ивановскую», выгоняя из дома и дальше – на озёра. Как тут Пашке усидеть?

Кинул харчишек в рюкзак, оседлал самодельный «харвей» и через час лежал на прибрежной травке Лесного озера, подставляя солнечным лучам своё белое тощее тело, с превосходством поглядывая на вело и пеших туристов.

У всякого праздника есть то достоинство, что рано или поздно он кончается.

И теперь Пашка лежал в грязи, посреди дороги, под своим ни на что не годным мотоциклом, душой и телом вымотавшись до того, что не было сил клясть судьбу. Над ним в разрывах облаков сверкали звёзды.

Одна, вдруг сорвавшись, понеслась прямо на него, вмиг удесятирившись, утысячерившись, умиллионившись, и разом пропала в тот самый момент, когда Пашка со страху закрыл глаза. Впрочем, в тот же миг ему послышалось, как неподалёку что-то весьма весомое смачно шлёпнулось в сырую землю.

Метеорит? Обломок спутника? Летающая тарелка?

Не стоит искать сложных ответов, если существуют простые, решил Пашка и, выбравшись из-под мотоцикла, сиганул через кювет.

Нечто чёрное, маслянисто поблёскивающее в темноте, объёмное, круглое он различил сразу. Так и есть – летающая тарелка!

«Вот, блин, повезло! Расскажу – не поверят», – подумал Пашка.

Подошёл, не без трепета, протянул руку пощупать – горяча ли поверхность да из какого материала. И отёрнул, будто получил в пальцы электрический удар. Горяча и вроде как из металла. Точно – космический корабль.

Пашка всегда чувствовал, что-то должно произойти в его жизни, ведь не зря же он на свет родился. Столько лет прожил и всё вхолостую, а теперь – бах! – выстрелило. Провидение бросило его на ночную дорогу, а не проклятый карбюратор.

Впрочем, особенного восторга от этой встречи Пашка Ческидов не испытал.

Во-первых, кто там внутри – ещё не известно. А то, как вылезут да наkostenяют.

Во-вторых, раз он из космоса, значит, весь в радиации. Запросто можно нахвататься облучения, заболеть и сдохнуть.

Пашка хоть и не хорошист-отличник, но физику почитывал. И Пашке всех этих встреч не особо как надо. Может, кому-то и надо, только не ему. Ему бы сейчас яичницы на сале да сна минуток по шестьсот на каждый глаз. Такие простые человеческие желания....

Всё же он обошёл по периметру космический объект. Увидел люк, открытый до земли – милости просим. Поднялся по ступеням, заглянул не без страха и не сразу. Точно – НЛО. Кабина, кресло, приборов тьма.

Пашка цапнул что-то подвернувшееся и бежать.

Думал, толкая мотоцикл с удесятеренной энергией: «А гуманоиды-то – лопухи. Должно, на мазарки подались, хоронить кого». Позже пришла мысль: «Может, наших жмуриков тырят?», – и не знал, что попал в самую точку.

.... Землю в намеченном районе посадки заволокла густая облачность. Лишь край холодного солнца блестел у горизонта. Флаер снизился, пронзая облака. В тумане скрылась небесная проталина, внизу – чёрная земля.

Посадка прошла благополучно. Инструктор перемещений второго уровня Рамсес покинул летательный аппарат и без промедления направился в нужном направлении.

Там, наверху, за грядой облаков был ещё день. А здесь царил сырой мрак. Вокруг ни звука, ни движения. Незнакомая земная жизнь замерла до утра.

Всё же Рамсес не зря неделю болтался на орбите, изучая все возможные подходы и варианты проведения операции. За кладбищенской сторожкой безошибочно обнаружил сарайчик и вооружился лопатой. Вот и нужные могилы выстроились в ряд. С кого начать?

Рамсес поплевал в ладони и начал копать. Лопата смачно погружалась в сырой грунт.

.... Благословенна эпоха, создавшая на голой каменной громаде с названием планета Земля первичную плёнку тёплой и живой почвы. Какое-то счастливое обстоятельство почему-то выбрало её из галактического братства, предоставив одной возможность вершить на своей поверхности, далеко идущие опыты, которые с полным правом можно назвать опытом создания живых, жизненных, даже творческих сил. Благословенны бесконечные века и тысячелетия, когда на младенческой живой плёнке стали возникать новорождённые создания, способные сохраняться в губительных вихрях тепловых и световых лучей и эволюционировать. Живая природа создала растительный земной мир, потом животный и, наконец, выбрала человека царём.

.... Прошёл час монотонного труда.

По человеческим меркам Рамсес ставил рекорды выносливости, работоспособности и недюжинной силы. Раскопаны пять могил, на поверхность извлечены пять гробов. Сноровато, с ловкостью завязанного взломщика Рамсес штыком лопаты вскрыл их крышки. Каждому из заметно тронутых тлением обитателям скорбных ящиков прикрепил на запястье серебряный браслет.

До этой минуты всё было спокойно. Неторопливо и деловито работал Рамсес. Шума не много. Но едва из гроба появилась седая голова человека преисподни, из другого раздался пронзительный женский голос:

– Подлюга ты, падла, сволочь!

Человек в гробе вздрогнул, оставил попытку вылезти совсем, замер, ни на кого не глядя. Голова с седой гривой втянулась в плечи.

– Недоумок! Козёл вонючий! Мазурик! – кричала худощавая русоволосая женщина средних лет. – Выродков твоих, их мать-потаскушку, всех вас убить мало!

Голос женщины становился спокойнее, она уже не голосила, а будто увещевала человека за оградой.

– Надо же, сидишь, ухмыляешься, а каково нам было подыхать....

Седогривый не отвечал и не шевелился. Зато у его соседей оживление – закивали головами, поддерживая справедливый гнев женщины. По вине этого дурня, спяну закрывшего заслонку непротопившейся баньки, теперь они здесь. Почувствовав поддержку, женщина снова сорвалась на крик:

– Тварь! Гадина! Сука жидовская!

Она, конечно, знает, что сосед её такой же путешественник по параллельным мирам и участник интересного эксперимента, облаченный теперь в умершее человеческое тело. Но вживание в чужой образ настолько глубоко, что она продолжает жить в умершем облике, чужими, неживыми мыслями и чувствами. Она бросает ему в лицо все самые оскорбительные слова, которые слышала здесь и запомнила.

Рамсес, внимая эмоциональной речи восставшей из небытия женщины, удивлялся: какой универсальный инструмент общения – язык. Сколь беден и сух их, мысленный способ общения. Ведь передача одной только информации, лишённой чувственной аранжировки, обедняет, делает её носителя каким-то инструментом, лишённым интеллекта. Люди параллельного мира в этом смысле счастливы. Блуждая в густом лесу бесконечных фраз, пытаясь подобрать какое-нибудь меткое слово, точно отражающее всю гамму душевных ощущений, они совершают творческий процесс, чего начисто лишена недоступная им телепатия. Словами они могут не только создать образ мысли, но и передать её привкус. Человеческий язык – это мир красок и картин, мир запахов и звуков, мир зримых образов, во всех его мельчайших оттенках. Его посредством передаются чувства, знания, сущность самой жизни и цивилизации.

Об этом думал благородный Рамсес, освобождая своих братьев по разуму из преисподни параллельного мира. А если б кто – не дай Бог! – из местных увидел, какие смердящие мертвецы, ликом более похожие на кошмарные видения, являлись на поверхность земли, тому не позавидуешь.

Более всего пострадали от тления внутренние органы и кожный покров, но костный аппарат был в порядке, мышцы сокращались, подчиняясь сигналам оптимизатора. Внешний вид, конечно, неважнецкий. Из рукавов и штанин что-то сыпалось и сочилось, распространяя зловоние. У одного левую часть лица оккупировали и разъедали черви. Другой долго не мог выбраться из гроба. Наконец выпал, дополз до оградки, за неё придерживаясь, встал на ноги.

Седогривый поднялся, как только на него перестали обращать внимание. Он почесал затылок и сказал глухим, прерывающимся голосом, глотая звуки полусгнившей глоткой:

– Мне всё время казалось, что в моём мозгу кто-то копается.

– Черви тебя жрут – кому же ты ещё нужен, – с сарказмом донеслось из-за дальней оградки.

– Вши лобковые тебя б съели! – буркнула женщина, единственная в этой компании вдруг оживших мертвецов.

Тем не менее, один из мужчин толкнул её грубо и велел очухаться.

Все они уже обменялись парой-тройкой фраз, а женщина даже всласть накричалась. И только у одного что-то никак не получалось с речью. Мускулы его гортани шевелились, под кадыком, затянутым галстуком, что-то шипело и пенилось, но с губ не слетало ни звука. Казалось, он сейчас заплачет. Заметив его потуги, остальная команда столпилась подле, замерла, прислушиваясь, пытаясь понять, что с ним. Стало так тихо, что слышно было, как толкаются вокруг недоумевающие комары. Женщина заволновалась:

– Что он говорит?

Высокий мужчина цокнул языком, снисходительно усмехнулся:

– Шутил покойник – помер во вторник, а в среду встал и девицу украл. А зачем?

Женщина шутиливо дёрнула его за остаток недоеденной червями мочки уха.

– Ты ещё маленький: много будешь знать – плохо будешь спать.

– Ну, дак, покойник погиб во вторник: стали гроб тесать, а он вскочил да плясать.

Онемевший так и не заплакал. Он стоял в кругу и растерянно озирался. К нему посыпались вопросы: слышит ли он, здоров ли (это покойнику то!), что за беда с ним приключилась? Он только головой кивал. Но вот кто-то догадался заткнуть пальцем дырку под кадыком, видимо, проеденную червями, и из гортани вырвался звук. Покойники дружно возликовали. Тут же обломили сучок для пробочки и вернули обществу говорящего члена.

Теперь пора представить всю честную кампанию, явившуюся с того света на этот. Женщину звали (зовут?) Лидия Петровна Кныш. Перед скоропостижной смертью занимала пост заведующего районным отделом народного образования. Предмет её яростных нападок – председатель суда Виктор Петрович Суданский. Высокий балагур – начальник районного отдела милиции Сан Саныч Стародубцев. Мужчина, потерявший голос, был при жизни главным врачом райбольницы Семёном Ильичом Репиным. И наконец, главное лицо компании, а в прошлом – всего района, первый секретарь районного комитета коммунистической партии Владимир Иванович Ручнёв.

Вот такие люди, однажды расставшись с земной жизнью, вдруг снова собрались на её поверхности, на раскопках собственных могил.

Рамсес объявил порядок дальнейших действий – Землю они покинут в контакторе, полу-сгнившие оболочки он вернёт в могилы и заметёт следы. Эксперимент, естественно, придётся прервать.

Владимир Иванович, человек дела, тут же потребовал:

– Где же контактор? Не вижу. Потерял?

Он знал, что спрашивать. Дурные вести каким-то образом сами несут в себе гарантию достоверности, только хорошие нуждаются в подтверждении. Рамсес, заражаясь его подозрениями, поспешил к флаеру и, конечно же, не обнаружил нужной вещи (ай да Пашка-воришка!).

Град упрёков обрушился на незадачливого инструктора перемещений. Теперь мужчины поупражнялись в сквернословии, вволю отвели душу. Не скоро вернулся деловой настрой.

Случившееся чертовски усложняло задуманное, но выход был. Всегда находится какой-нибудь выход. В крайнем случае, ситуацию можно повторить, приведя всё в исходное положение. Но покойники дружно запротестовали – обратно в могилы они не хотели, а на Рамсеса-ротозея были слишком злы, чтобы внимать его увещаниям. Они кляли организаторов спасательной экспедиции, не предусмотревших этой, пусть даже очень маловероятной случайности.

Положение, вне сомнения, было непростым, но не грозило катастрофой. Оно было одним из тех критических, к которым специально готовят путешественников по спиральям.

– Итак, к делу, – с нарочитым спокойствием сказал Владимир Иванович, открывая совет обречённых. – Могилы приводим в порядок. Инструктор летит за контактором. Мы ждём его здесь. Если возвращение задержится, днём прячемся в лесу, а на ночь собираемся на этом месте. И не возражать! (Это Рамсесу). Жить без общения не могу больше ни минуты.

Все дружно закивали мудрейшему Владимиру Ивановичу. Рамсес пожал плечами, сел в «тарелку» и улетел к звёздам. Покойники не спеша опустили в могилы пустые гробы, засыпали землёй, любовно оправили лопатой холмики и сели в кружок совещаться.

Бывшему главному врачу райбольницы захотелось побывать у себя на работе, хоть краем глаза взглянуть, как идут начатые дела.

– А может ты и домой таким явишься? – не очень твёрдо увещевал Ручнёв.

– Нет, домой нельзя, – соглашался Семён Ильич. – Но больница тут поблизости, на окраине посёлка. Смогаюсь и обратно. Хоть в оконце загляну – что там, как там?

– Ты хоть знаешь, сколько лет прошло, пока ты в гробу лежал?

Репин пожал плечами:

– Не знаю. Судя по результатам тления – лет пять, может десять.

– И что же ты собираешься увидеть в своей больничке?

– Тем более интересно.

Владимир Иванович с безнадёжной досадой махнул на Репина рукой.

Стародубцев высказался. По его словам, следовало злоумышленников, похитивших контактор, сыскать, прибор отнять, перевоплотиться и продолжить эксперимент.

Предложение заманчивое, но малоперспективное.

Спор продолжился. Наконец....

– Наверное, мне не следовало одному принимать решение, – тем же теряющимся голосом сказал Репин, зажав двумя пальцами пробочку в гортани, – но я пойду. Вот посмотрю своими глазами: что да как, тогда и скажу своё мнение – стоит ли продолжать эксперимент.

Он встал и ушёл в темноту.

– Завидую, – за всех прокомментировал Суданский. – Решительные поступки мне никогда не удавались.

Стародубцев поднялся:

– Всех на уши поставлю, но прибор верну. Ждите.

– Саня я с тобой! – Лидия Петровна сорвалась со своего места.

– Нет, ну, что за люди, – Суданскому было жаль распавшейся компании.

Ручнёв сплюнул в сердцах, и слизь повисла на синей губе. Он встал и зашагал в темноту, решительно размахивая руками.

– Мне-то куда идти? – крикнул ему в спину осиротевший Суданский.

.... Диму Пирожкова привезли в больницу в состоянии острого алкогольного отравления. Среди ночи он пришёл в сознание. Ему казалось, что он умер, но в отдельные моменты почти полностью ощущал себя. Закрывал глаза, и начиналось странное состояние головокружения – создавалось впечатление всё ускоряющегося раскручивания карусели. Приходилось открывать глаза и, словно в подтверждение издевательства алкоголя над организмом, мир, подёрнутый пеленой, ещё несколько мгновений продолжал крутиться в обратную сторону. Это состояние усугублялось тем, что Дима никак не мог сообразить, где же он находится. Наконец понял, что не дома, и решил отсюда убираться.

Выбравшись в коридор, побрёл, держась за стену, убеждая себя: «Дойду, дойду», хотя каждый шаг давался с трудом, потому что пол всё время старался выскользнуть из-под ног. И он действительно дошёл до ординаторской, хотя по дороге его стошнило, а на пороге коридора, споткнувшись, едва не разбил голову.

В корпусе было тихо, только в одной палате кто-то надсадно кашлял, издавая нечленораздельные приглушённые ругательства. Из-за дверей ординаторской доносился оптимистический голос:

– Главное в жизни, говорят классики, провести время так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Жить надо красиво, меньше слушать других, и больше думать о себе. Широкая натура всегда пробыёт в жизни дорогу, нужно только напрочь избавиться от комплексов. Пока живёшь, не отчаивайся, не опускай руки, на принципы и любовь смотри проще.

– Ты, сказывают, сердцеед, Георгий, – дал о себе знать второй собеседник.

– Во всяком случае, твоей башке рога не грозят – жена твоя не в моём вкусе.

Георгий хохотнул.

– Оставь в покое мою жену, клизма! – взвизгнули за дверью.

Загрохотали стулья по полу.

– Она мне и даром не нужна. В голодный год за ведро картошки.... Пусти, гад!

– На что намекаешь? – хрипел разобиженный супруг.

Судя по звукам падающих стульев и напряжённым голосам, за дверью шла, если не драка, то борьба отчаянная. Забыв о своих болях и бедах, Дима Пирожков с наслаждением вслушивался.

Вдруг раздался звон разбитого стекла и чей-то сиплый крик с улицы:

– Это что вы тут творите?

Стукнув Диму в лоб распахнувшейся дверью, в коридор выскочили оба соперника в белых халатах и с леденящим душу воем сыпанули прочь наперегонки.

Пирожков, человек от природы мирозерцательный и раздумчивый, этакий философ от алкоголя, потёр вновь набитую шишку, подивился на странное поведение врачей, и лишь потом решился выяснить, что же привело их в такое состояние.

По ординаторской ходил мужчина в мятом и запачканном костюме, поднимал упавшие стулья, поглядывая на стол с початой бутылкой водки и стаканами. Он то качал головой, то подёргивал плечами, будто у него чесалась спина. Очень многое от покойника было в этом человеке – синюшное лицо, почерневшие руки, с которых постоянно что-то сыпалось и капало. Дух от него шёл невыносимый.

Впрочем, отравленного алкоголем Диму это не сильно беспокоило. «Чертовщина какая-то», – подумал он, но будто магнитом тянула бутылка на столе и отвлекала от всех второстепенных мыслей.

– Закурить не найдётся? – сказал первое, что пришло в голову.

Труп или человек, таковым наряженный, глянул на него и молча кивнул на стол. Там были сигареты, спички и пепельница.

Дима не заставил приглашать себя дважды. В следующее мгновение он уже сидел в ординаторской и попыхивал сигаретой, с любопытством поглядывая на странного незнакомца, судя по всему, влезшего в окно. Не разобрав его истинного физического состояния, Дима, однако, сообразил, что перед ним человек благовоспитанный, который тяготится внезапным своим здесь появлением и его следствиями – бегством врачей из ординаторской. Пирожков решил взять инициативу в свои трясущиеся с перепою руки.

По резкому движению, которым Дима загасил сигарету, можно догадаться, что он принял какое-то решение. Сцапав бутылку, Пирожков сгрёб и стаканы:

– Вздрогнем?

Незнакомец, поправив галстук и стряхнув с борта пиджака случайно упавший пепел сигареты, спросил:

– Это называется больница?

Слова были произнесены с такой душевной болью, горечью и отчаянием, что у Димы дрогнула рука, и он чуть было не налил мимо стакана.

– Нормально, уважаемый. Присаживайтесь. Я вижу, вам тоже спешить некуда.

Незнакомец последовал его совету, сказал, устраиваясь на стуле:

– Признаться, я так и не понял, что здесь происходит.

– Как что? Бардак! Их дежурить поставили, а они водку пьянствуют. Правильно вы шугнули этих айболитов. А как тут терпеть? Ну, поехали.

Дима пропустил полстакана одним глотком, а незнакомец нетвёрдой рукой поднёс свою порцию ко рту, не справился с губами, и водка потекла у него по шее. Пирожков сразу потерял к нему уважение.

– Что у тебя глотка дырявая? – возмутился он пропадающему добру.

Незнакомец виновато улыбнулся и поставил стакан.

– Ты в какой палате лежишь? – спросил Дима очень строго.

– Я в могиле лежал.

Диму это откровение не смутило.

– Для жмурика ты, однако, неплохо выглядишь.

Незнакомец опять поправил галстук, и тут Пирожков заметил под его узлом пробочку.

– Вон ты с чем... Ну и топорная, скажу, работа, – Дима погрозил в пространство кулаком. – Я бы этих айболитов.

За его спиной послышался лёгкий шорох, а затем визгливый глас Ксенофоновны, дежурной санитарки родильного отделения:

– Это ж надо – стекло разбили, врачей лупят.... А навоняли-то....

– Это что, – сказал Дима. – Садись за стол, тут вот покойник водкой угощает.

– Будет врать-то. Вот я вас шваброй.

– Это интересно, стоит посмотреть – шваброй мёртвого человека не каждый отважится.

Увлёкшись бранью, санитарка не обращала внимания на второго собутыльника. А он сидел, сгорбившись, втянув голову в плечи, пряча лицо от взоров.

Вдруг выпрямился, глянул неподвижными зрачками ввалившихся глаз:

– Мария Ксенофоновна, вы не узнаете меня?

Санитарка, ахнув, хлопнула себя по мощной груди в разрезе халата.

– Беда-то какая! – пролепетала она, пятясь к двери. – Действительно мертвяк, да ещё говорящий. И так на Репина похож Семёна Ильича.

– А это я и есть, – печально сказал покойник.

– Да ну вас с вашими шутками, – сказала Ксенофоновна. – Я вот завтра главврачу всё расскажу.

Она скрылась в коридоре, не закрыв дверь, и оттуда донёсся её голос:

– Георгий Иванович, ну, как не стыдно....

– Никак хозяева вернулись, – засуетился Дима.

Он вытряхнул содержимое пепельницы на листок бумаги, смял его и сунул в корзину для мусора. Потом растянул штору по гардине, прикрывая разбитое стекло. От ветра, гулявшего за окном, лёгкая ткань вздулась пузырьком.

– Ого, да их тут коллективчик, – раздался голос из коридора. – Жорик, поднимай мужиков в палатах, сейчас мы их уделаем.

– Послушайте, – незнакомец шагнул к двери. – Я тоже врач и хотел бы с вами поговорить. Я – Репин Семён Ильич, работал здесь главврачом, может, помните такового? Да поговорите вы....

В ответ раздался топот удирающих ног.

Мертвец остановился в дверях, повернулся к Диме, развёл руками и виновато улыбнулся. Оскал получился похожим на отвратительную гримасу.

– Эй! – крикнул откуда-то издали сбегавший Георгий. – Убирайся отсюда, не то я тебя, гада, собственными руками задушу.

– Ты смотри, какая сука пакостная, – вторил ему дружок из другого конца коридора.

– Я врач, – откликнулся мертвец. – Семён Ильич Репин.

У Георгия на это было своё мнение:

– Ты, засранец, клинический идиот.

Подавал голос и его дружок:

– Что делать будем, Жора, дела-то хреноватые? Откуда эта нечисть завелась? Ты звонил в милицию?

– Звонил, да разве ж их дождёшься.... Эй, валите отсюда, пока целы.

– Я – ваш бывший главный врач, – устало сказал Семён Ильич.

– Ты, приятель – козёл, и мне сказки не рассказывай. Я сам твою,... тьфу!.. его, то есть, могилу видел. Верно, Жорик?

– Нас не проведёшь, – подтвердил Георгий. – Финита ля комедия, жмурик. Сейчас мы тебя отпрепарируем.

Дима Пирожков звучно потёр щетинистый подбородок и произнёс многозначительно:

– Да-а, положеньице.

Внезапно он хлопнул себя ладонью по лбу и расхохотался:

– Какой же я осёл! Как сразу не догадался? Отдай ты им этот пузырь.

Он перелил в пустую бутылку воду из графина и выставил её в коридор:

– Эй, пискарезы, забирайте своё пойло и отстаньте от человека!

Затащив Репина в ординаторскую, он захлопнул дверь и стал баррикадировать её.

– Всё, как всегда – сильный пожирает слабого. Но ты не бойся, Ильич, я тебя не выдам.

– Ишь, клизматёры, – пыхтел он, двигая тяжёлую мебель. – Казённый спирт выжрали, водку из передачи свистнули. Нет у людей ни стыда, ни совести. Докатилась, Ильич, Росиия-матушка до последней черты. Но ведь есть мы с тобой. Ты же научишь меня, как мёртвым жить? Мы им ещё покажем. Даёшь революцию!

Дима выдохся, и устало повалился на диван, речь его стала менее пафосной:

– Эх, Ильич, не видал ты наших перемен, пролежал в могиле – кусок жизни проглотил. Пролетариат, гегемона нашего, с дерьмом сравнивали. Спекулянты теперь только живут. В обществе утвердилась какая-то вывернутая наизнанку мораль – всё можно, даже то, что нельзя, но очень хочется. А мы с тобой не таковские! Мы пойдём войной за старые порядки и обычаи. Мы вернём России Советскую власть. Мы...

Дима окончательно выдохся. Его неудержимо клонило ко сну. Он втянул ноги на диван и улёгся, подложив под голову обе ладони.

Репин, слушая его, тянул и рвал с себя галстук, пытался через его петлю расстегнуть ворот рубашки, будто ему не хватало воздуха.

«Эдак помрёт, чего доброго», – с участием подумал Дима и закрыл глаза.

Лицо Семёна Ильича, между тем, пошло багровыми пятнами, будто к нему разом прихлынула нездоровая кровь. Губы кривились, гримасничая, но крик, готовый сорваться с них, терялся где-то на подходе.

Сквозь дрему Дима заметил эти тщетные усилия, не поленился встать и хлопнуть собутельника по спине:

– Что ты лопочешь, Ильич? Подавился что ли? Ну-ка, скажи что-нибудь по-человечески.

И, чудо! Репин, икнув, заговорил, затараторил, слова посыпались, как горох на пол, разгоняясь и подскакивая:

– ... неужто это не сон? Невозможно поверить. Как такое могло случиться? Куда же партия смотрела?

Его торчащие во все стороны лохмы подагрически затряслись.

– Просмотрела твоя партия, – сказал Дима и снова лёг.

Дверь слегка толкнули с той стороны:

– Открой, дешёвка! От нас не скроешься.

– Хрена закуси, – ругнулся Дима с дивана.

– Тобой тоже скоро черви займутся, – пообещал голос Георгия.

Угроза подействовала. Дима подскочил с дивана, подпёр баррикаду спиной:

– Помогай, Ильич.

– Что же вы делаете, люди? – Семён Ильич беспомощно озирался.

В этот момент от мощного толчка дверь распахнулась, баррикада рухнула. Дима побежал головой вперёд через всю ординаторскую. Остановила его стена, в которую он буквально влип.

Нервная судорога исказила лицо мертвеца. Но лишь только он шагнул за порог, в коридоре раздался дружный топот удирающих ног. Семён Ильич преследовать не стал. Он вернулся, чтобы помочь Пирожкову. Тот потирал вторую симметрично взбухшую на лбу шишку.

– Ты, Ильич, себе и представить не сможешь, какой демократы бардак устроили повсюду. В больнице это как-то по-особенному чувствуется.

– Безумие! Чистое безумие! – качал головой Репин. – Любое зло имеет корни. Но вот что питает это безобразие? Что дало ему жизнь? Где же ваш всепобеждающий разум, люди? Неужели вы бессильны бороться со своими страстями? И кто вдруг выпустил их на волю?

В грязных палатах больные режутся в карты на деньги. В неотложке у телефона никого. Дежурный фельдшер с шофёром в машине любовью занимаются. Врачи пьют в ординаторской. Ужас!

– Это ещё не ужас, – мрачно сказал Дима. – Знал бы ты, куда больничные денежки расходятся – вообще впал в смертельную хандру. Это всё, Ильич, «демократией» называется, «свободой» до потери человеческого облика. Общество лечить надо, я так думаю, Ильич.

– Я тебя, падла, щас вылечу! – ворвался крик из коридора, и следом гранатой влетела пустая бутылка и хрястнула о стол. Раздался звон битого стекла, полетели брызги.

– Ну, гады! – встрепенулся Дима. – Достали, ей-бо, достали. Прямо мороз по коже.

Он подскочил к двери и дико заорал что-то нечленораздельное. В ответ – дружный удаляющийся топот. Угомонившись, Дима вернулся к прерванному разговору.

– Как лечить? Побольше думать, думать головой, если она ещё имеется. А потом морду бить виновным.

Дима гневно сжал кулаки:

– Им, вишь ты, коммунизма не надо – капитализм подавай. А простой народ спросили? Меня спросили? Хрена с два.

Репин вдруг почувствовал, что куда-то проваливается. Ощутил своё работающее сердце, которое стало захлёбываться прихлынувшей кровью. Но этого не могло быть! Неужто оптимизатор отказал?

– Нашли козлов отпущения – народ, – голос Димы поплыл и стал отдаляться. – Но мы ещё живы. Мы им ещё покажем. Верно, Ильич? Да здравствует Советская власть! Долой буржуев!

Распалившись, Дима Пирожков схватил пустой графин и, потрясая им над головой, как дубиной, выскочил в коридор. Его безумный хохот вслед удаляющемуся топоту звучал, словно рёв затравленного, издыхающего зверя.

– Ничего, Ильич, прорвёмся! Мы же с тобой есть!

Когда, навоевавшись, вернулся, в ординаторской никого не было, лишь сдвинутая штора обнажала чёрную зияющую пасть разбитого стекла.

– Эх, Ильич, Ильич! В подполье подался, «Искру» сочинять. Стало быть, и мне пора.

Дима Пирожков выбрался через окно и растворился в темноте.

2

– Куда идти? Куда-куда... В суд к Суданскому судиться, – ворчал Виктор Петрович, оставленный своими суетливыми товарищами на кладбище, не усидевший там в одиночестве и теперь бредший по полю к посёлку. – Энтузиасты дела! Хвастуны! И эта тоже, матершинница. Не учихалка – матрос в юбке. Куда ни глянь – сплошное безобразие. Сажать, всех сажать надо.

С такими мыслями он достиг окраины посёлка и побрёл ночными улицами, инстинктивно сворачивая на перекрёстках в нужном направлении.

Большой дом нарсуда был похож и одновременно не похож на прежнее здание. Очертания вроде бы сохранились, но вместо бревенчатых – кирпичные стены, гараж пристроен, асфальт положен. Палисадник огорожен металлическим забором и нет в нём могучих тополей, дававших такую прохладную сень в самые жаркие летние дни.

О пропавших тополях Суданский пожалел более всего.

На широкой скамье у металлических ворот с калиткой группа молодых людей – слышны смех, задорные голоса. Как все жизнерадостные люди, Виктор Петрович любил молодёжь, охотно с ней общался и легко находил общий язык.

– Добрый вечер, комсомолия! Не помешаю?

Смех оборвался. После паузы:

– Ты чё, мужик, нарываешься?

– Ленка, папка пришёл – домой пора.

– Что ж ты, дяденька, не спишь? Сердечко пошаливает? Беречь надо.

– Мозг, – Суданский постучал пальцем по лбу. – Вот что беречь надо. Здесь всё, в этом сером веществе – все наши знания, чувства, память. Весь мир. Это самое важное и уязвимое, что есть в человеке.

Кто-то чиркнул спичкой, прикуривая. Удивлённо и недоверчиво блеснули прищуренные глаза под густыми бровями. Но это был наркотический блеск.

– Ясно, – хрипловатый голос. – Ты, мужик чокнутый – комсомолию какую-то придумал.

Суданский покачал головой своей догадке:

– Что курим, травку?

– А ты ментяра? На, хватай, тащи в кутузку.

– Хватит вам заводиться. Он такой забавный, – со скамьи вспорхнула девица, подхватила Суданского под руку, светлое, не тронутое морщинами личико исказилось гримасой, – Фу, какой строгий!

Близость упругого девичьего тела, не отягощённого избытком одежды, как будто разбудила в разлагающемся трупe какие-то, ещё непонятые желания. Две несмелые морщинки тронули чёрные губы Виктора Петровича у самых их уголков. Он будто заново осваивал нехитрую мимику улыбки.

– Что вы так смотрите? – спросил бывший судья, прижимая её локоть к своим рёбрам. – Живых трупов не видали?

Девица запрыгала, восторженно захлопала в ладоши:

– Классно! Сегодня трахаюсь с трупом.

– Заткнись! – оборвал её парень, подступая из темноты. – А ты, мужик, трупак ты или мудака, катись отсюда, пока цел.

Суданский, дурачась, подёргал плечами, выставил кулаки:

– Бокс!

По треску и хлюпанью полусгнившего организма определил, что не всё у него в порядке с многочисленными шатунами и шестерёнками, работающими внутри, и как бы не рассыпаться в прах от одного неловкого движения.

– Бокс! Бокс! – девица опять поскакала, хлопая в ладоши.

– Радости полные трусы, – сказал парень и закатил девице затрещину, впрочем, не сильную.

Кто-то на скамейке приглушённо чихнул и произнёс звонким радостным шепотком:

– Доброго здоровьяца, Виктор Георгиевич!

И ответил самому себе:

– Спасибочки, Виктор Георгиевич!

– Эй, ты не очень-то увлекайся, – Задира, забыв о Суданском, поспешил к нему.

Виктор Петрович прислонился спиной к забору, и тут же увидел рядом лицо девушки, полураскрытые её губы и ощутил, казалось, щекой и ухом шелестящее дыхание.

– Ты же не трус? Ты набьёшь морду этому козлу? Разве настоящий мужчина ударит девушку? Ну, скажи.

Вместо ответа бывший судья положил свою руку девице на плечи и привлёк её к себе, будто беря под защиту.

– Эй, старпёр, будешь клеиться к Галке – разберу на запчасти, – издали пригрозил Задира, вставляя в ноздрю трубочку.

– Ну и дурак, – сказал ленивым и добрым голосом тот, кто называл себя Виктором Георгиевичем. – Чего ты её прессуешь? Бабы сами знают, кого им надо. А любви нет и нечего выдумывать. Эй, мужик, ты, правда, что ль трупак? Не хочешь попробовать?

– Я, братцы, русский, – прихвастнул Суданский. – А значит, пью всё, что горит, и люблю всё, что шевелится.

– Складно говоришь, – усмехнулся Виктор Георгиевич.

– Культурный ты, мужик, вежливый, – сказал Задира. – Но хайло я тебе всё равно начищу – отпусти Галку: мне лень вставать.

– Не отпускай, не отпускай, – девица плотней прижалась к Суданскому. – Ты ему – рраз...! раз! – она махнула в воздухе кулачками – и на лопатки! Только сунься к нам, поганец!

– Вот дура! Счас же встану, – Задира сделал вид, что отрывает зад от скамейки. – Тебе, мужик, капец. Встречал я одного такого...

– Небось, рад, что расстались? – осведомился Суданский.

– Ну-ну... Как знаешь, – Задира хрустнул крепкими плечами.

Из темноты Виктору Петровичу передали кефирную бутылку с торчащей из неё трубочкой.

– Эх-ма! – бывший судья выкинул трубочку, взболтнул бутылку и опрокинул её содержимое себе в глотку.

Минуту стояла изумлённая тишина.

– Ты что, падла, делаешь?! – взвизгнул Задира и подскочил к Суданскому.

Тугие мышцы его, готовые к действию, казалось, поскрипывали от собственной крепости, как португепя у новоиспечённого лейтенанта.

Суданский удивился:

– Сами ж предложили.

Задира криво, недобро усмехнулся, словно кот на синичный писк, отодвинул девицу от Суданского. Тот насторожился. Взгляды их, пронзая темноту, сошлись как клинки, казалось – лёгкий звон пошёл.

Задира вдруг перешёл на шёпот:

– Ты зачем весь кайф вылакал?

– Чего? Чего? – Суданский сжался. – Что я такого сделал? Сами сказали – пробуй, я и выпил. Делайте, что хотите, только я никак вас не пойму.

– Не трожь его, Андрей, – сказал Виктор Георгиевич. – Он сейчас сам сдохнет. Ты, придурок, бензин выпил.

– Надо же, – удивился Виктор Петрович. – А я и не почувствовал.

Задира Андрей с шофёрской виртуозностью щелчком выстрелил сигарету из пачки, грубо запихнул её в рот Суданскому:

– Закуси, падла...

Виктор Петрович вдруг ощутил прилив бешенства и удивился.

Он ударил парня в подбородок, и тот упал. Упал странно, неуклюже, словно разобшившись вдруг в суставах. Вместе с гримасой боли и страха его дегенеративное лицо на короткий миг, как последний божий дар, посетило человеческое выражение.

– Ты, псих, чё творишь?! – Виктор Георгиевич сорвался с места, но кинулся не в драку, а поднимать оглушённого товарища.

Суданский остыл:

– Чёрт, не рассчитал. Я не хотел так сильно. Но он сам виноват: скребёт, скребёт, как крыса в доску гроба – вот и доскрёбся.

Вся компания дружно переживала за Андрея и не обращала внимания на оправдательный лепет усопшего судьи.

Наконец Задира пришёл в себя. В нём почти ничего не осталось от бравого и уверенного в себе шалопаю.

– Ты что, мужик, супермен? – облегчённо вздохнул Виктор Георгиевич, отстраняясь от приятеля. – Бензин как воду жрёшь, дерёшься как Тайсон.

– Так получилось, – пожал плечами Суданский. – Я не нарочно.

Подруга Задиры вернула ему свои симпатии:

– Миленький, найди бензинчику. А я тебя поцелую.

Близость девичьего тела вновь затронула глубинные чувства гниющего организма. Виктор Петрович погладил девушку по спине и пониже тоже. А когда она встала на цыпочки и поцеловала его чёрные неживые губы, бывший судья ощутил себя готовым на любые подвиги.

Прихватив кефирную бутылку, ушёл в черноту ночи.

Пройдя наугад два-три переулка, Виктор Петрович заметил ночевавшую у ворот легковушку. Дальше было всё, как в фантастическом фильме. Ради полулитра бензина машина была искурочена, перевёрнута, поставлена на дыбы так, что горячее самотёком хлынуло в горловину. Какой-то болевой ограничитель отключился в мёртвом теле. Рвались жилы, расплзались насквозь прогнившие ткани, а Виктор Петрович, ничего не чувствуя, проявлял чудеса атлетизма, нисколько, впрочем, не утомившись.

Молодёжь возликовала возвращению Суданского. Галина даже чмокнула мертвеца в щёчку, забирая бензин. Потом – трубочку в бутылочку, второй конец в нос и – кайф!

Учись, трупак!

– Век живи – век учись, – удивился Виктор Петрович.

– Мне не надо, – сказал Виктор Георгиевич. – Я шесть классов кончил, мне хватает.

Вернув страждущим «кайф», бывший судья Суданский почувствовал себя своим в компании.

– Позволь с тобой не согласиться. Бывает, что душа в небо рвётся, а ум, как тяжёлая задница, встать не даёт. Человек мучается – всё-то он готов силой переломить.

– Не наша философия, – отмахнулся Виктор Георгиевич. – Вредный твой взгляд, трупак: человек может всё. Это ему природой дано, при чём тут школа?

– Хватит вам спорить, – Галина, поймав кайф, передала бутылочку и под села к Суданскому.

Виктор Петрович решил: кутить, так кутить – один раз живём, и пошёл напролом:

– Милая Галя, с той первой минуты, как увидел, я полюбил вас, и теперь признаюсь в этом.

– Слышишь, чмо, как надо объясняться девушке в любви? А ты – Галка, я тебя хочу. Учись – на будущее пригодится.

Задира Андрей только сплюнул в сердцах и промолчал.

– Ну-ну, продолжай, – девушка положила Суданскому голову на плечо.

Виктор Петрович нежно погладил её волосы:

– Быть может, я стар для вас, или от меня дурно пахнет, но сердцу не прикажешь.

– Чудак, ох, чудак, – девушка тесней прижалась к нему и ткнула носом меж бортами пиджака. – Какой чудак! Чем ты можешь пахнуть? Потом? Я люблю запах мужского пота. Он меня заводит.

Она сунула маленькую сухую ладошку под рубашку и погладила его живот.

– Вспотел, – она подняла руку над головой и не заметила, что ладошка окрасилась.

Суданский поймал её руку и сунул под пиджак.

– Знаешь, отчего кровь красная, а не бесцветная? Чтобы страшно было проливать её. Была б она синенькой или жёлтенькой – не так боялись, легче шли бы на убийство.

Она прижалась к его груди лицом и спросила:

– Тебе сколько лет?

– Пятьдесят, а может, все семьдесят, – печально сказал Виктор Петрович.

– Семьдесят? Ну, ты врать-то горазд шибко, – расстроилась было Галка, но тут же задорно тряхнула кудрями. – Пусть семьдесят! Это даже пикантно. Кому скажу – не поверят. Девчонки в общаге помрут от зависти. Миленький, ты меня хочешь?

– Девочка дорогая, я понимаю, что тебе не пара, но сердцу не прикажешь...

– Ты погоди про сердце: я о другом. Ты меня хочешь? Ну-ка, посмотрим, – девушка попыталась расстегнуть Суданскому штаны, но Виктор Петрович поймал её руку и удержал от опасного эксперимента.

– Разочаруешься, – шепнул он ей на ухо.

– Нет, – шепнула она и погладила ширинку его брюк. – Я тебя вылечу.

Галина легла на лавке, примостив голову на его коленях, млея от «кайфа», не сводя с Суданского нежного взгляда.

– Поцелуй меня, – она капризно надула губы.

Он не без труда склонился и чмокнул её в лоб.

– Сподобилась! – насупилась Галина. – Как старый дед внучку. Ещё отшлёпай и домой отправь. Ты поцелуй страстно, как любишь... Докажи, что любишь. Докажешь – я твоя.

Голова девушки всё больше тяжелела, а фразы давались с трудом. Суданский не решился целовать её в губы, а положил ладонь на упругую грудь и чуть придавил.

Галка глубоко вздохнула и закрыла глаза:

– Кайф!

Компания, в которой – надо было раньше сказать – было три девицы и двое парней, нанюхавшись бензину, постепенно уходила в прострацию. Поймав кайф, они не пели, не плясали, словом, не резвились, а тихонько отрешались от окружающего мира, самоуглубляясь, наслаждаясь душевным состоянием, отыскивая в глубинах сознания россыпи алмазов и драгоценных камней. Об этих удивительных открытиях окружающий мир узнавал по тихим редким бессознательным возгласам или быстрому-быстрому невнятному бормотанию, заканчивающемуся тяжёлым вздохом разочарования.

Прошло немало времени.

Подъехал милицейский «уазик», из него вылезли трое.

– Ну, так и есть, опять эта шпана здесь! Бей их, Коля, по головам, один хрен за эту мразь ничего не будет.

Ночь взорвалась хрястом ударов, топотом ног, воплями, матом, визгами девчат.

Хрипел и рвался под тяжестью чужого тела Виктор Георгиевич:

– Трупак, Андрюха, помогите! У, падла ментовская! А-а-а!

Галка очнулась и порхнула с лавки в темноту. Узкий луч света упёрся в Суданского.

– Тут мужик какой-то, Колян. Глянь-ка. Ой, мать твою... Никак покойник?

Суданский представил, как выглядит его лицо в свете фонарика. Для пушного страха он настежь распахнул глаза, поворачивал зрачками и оскалился.

Рука, державшая фонарик, крупно задрожала.

– Ой, Ко-ля....

Послышались шаги.

– Что тут у тебя?

– Сам смотри.

Вся эта сцена доставила Суданскому огромное наслаждение, и он решил продолжить игру. С сухим треском рвущейся материи лишил себя уха, отправил в рот, пожевал и проглотил. Сунул туда же палец и отгрыз с него мякоть, белой костяшкой поманил к себе обалдевших от страха блюстителей порядка.

– Мамочки, – пролепетал один, а другой упал на колени так стремительно и профессионально, будто век этому учился, и заверещал что-то бестолково, непонятно, налицо являя все признаки сошедшего с ума человека.

Ни слова не сказав, Суданский обшарил карманы двух остолбеневших милиционеров, изъясил бумажники, часы, дубинки и фонарик. Оружия не нашлось.

Третий участник нападения, оставив Виктора Георгиевича, кинулся в машину, и через минуту рёв её двигателя затих в отдалении. В последнем блике погасшего луча фонарика лицо Суданского отразило чувство полнейшего удовлетворения.

– Эй, кто там живой остался? – крикнул в темноту.

Подошёл Виктор Георгиевич, лаская шишку на голове:

– Не ори, их ветер не догонит. Как тебе удалось, супермен?

– Просто, – пожал плечами Суданский и кивнул на парализованных страхом ментов. – Что за клоуны?

Один по-прежнему стоял на коленях и плакал. Второго нервный тик застолбил стоячим, лишив сил шевелиться даже.

– Не видишь – менты поганые, – сказал Виктор Георгиевич. – Слушай, дай-ка я с ними счёты сведу.

Он зашёл за спину служителям порядка и так саданул пинком стоящего, что тот побежал с ускорением вперёд, чуть не упал, но не упал, а рванул бежать прочь во все лопатки. Тому, что был на четвереньках, повезло меньше – Виктор Георгиевич три раза успел вонзить ботинок в его задницу, прежде, чем несчастный принял вертикальное положение и кинулся догонять товарища.

– А-та-та! У-тю-тю! Ату их, ату! – веселился Виктор Георгиевич. – Держи поганых!

– Даровитый ты мужик, трупак, – сказал он, успокоившись. – Я, пожалуй, пойду, а ты появляйся, приходи – мы примем тебя в нашу компанию. Мы тут почти каждый вечер кайфуем.

– И не стыдно у здания правосудия?

– Какое правосудие? Где оно? Кто, где и когда по правде судил? Ты сам видел, что менты творят, а сунься с жалобой – срок отхватишь. Может, и была правда, но не в наше время и не в нашей стране. Бывай.

Виктор Георгиевич ушёл, а Суданский долго стоял недвижимым, переваривая последнюю новость, с невесть откуда взявшейся сердечной болью. Наконец, решившись, одолел невысокую оградку палисадника и долго остервенело крушил стёкла зарешёченных окон милицейской дубинкой.

.... – Спят сукины дети – сторожа, – сказала Лидия Петровна.

– Где спят? – не понял Стародубцев.

– На диване в учительской.

Они остановились на дороге, по обеим сторонам которой чернели окна школ – начальной и средней.

– Сейчас с великим удовольствием растянулся бы на диване, – сказал Стародубцев. – Дома всегда спал на диване. Хорошо! Куда вы, Лидия Петровна?

– Я им посплю! Я им подрыхну! – сердито откликнулась из школьного двора бывший заврайоно.

– Что за женщина! – толи восхищённо, толи возмущённо вздёрнул плечами Стародубцев.

Владимир Иванович Ручнёв сумрачно молчал. Путь от кладбища дался ему нелегко. Дорогой один глаз вытек, другой, остекленевший, безразлично уставился на начальника милиции.

Бывший полковник тяжело вздохнул, скрипнул зубами:

– Ну, её! Пойдёмте, Владимир Иванович.

Мы с Серёгой действительно в ту минуту спали на боевых постах. Услышав громкий стук в дверь, я очумело выскочил в коридор, дёрнул шпингалет и отступил вглубь коридора, запоздало опасаясь чего-то.

– Не спишь? – раздался зловещий голос из темноты.

– Нет, – ответил машинально.

– Не пьян?

– С чего бы?

– То-то. На диване один или с девочкой?

– Да будет вам.

– Ладно, посмотрим, что там.

Послышались удаляющиеся шаги. Я выглянул за дверь. В тёмной фигуре и походке признал женщину. Глоток холодной воды вернул самообладание. Дозвонился не сразу.

– Серёга, спишь, козёл? Тут у меня баба с проверкой была.

– Какая баба? – раздался в трубке хриплый со сна голос коллеги за дорогой.

– Из тех, что юбки носят – молодая, красивая, с такой вот грудью, что тебе нравятся, а попец – закачаешься.

– Ну и что?

– Как что, мы объект проверили – само собой на диване, мне хорошо было, а ей мало – к тебе пошла, так что не теряйся и разминай члены.

– Больно надо.

– Дурак.

– Сам ты это слово.

Раздались короткие гудки. Успокоенный я лёг и скоро уснул, не ведая, какая за дорогой разыгралась драма.

Положив трубку телефона, Серёга действительно увидел за окном идущую к парадному крыльцу женщину. Не включая света, повернул ключ в дверях, а сам затаился.

Стук каблуков громом ворвался под свод пустующей школы. Незнакомка прошла совсем рядом, но тяжёлый, обволакивающей дух её удержал Серёгу от задуманных действий. Более того, он вдруг ощутил прилив гнетущего страха и инстинктивно попятился вглубь коридора.

Будто со стороны услышал свой шелестящий шёпот:

– Не хрена себе!

Услышала его и вошедшая женщина. Она не видела Серёгу, но, видимо, ощущала или подозревала близкое присутствие.

Крикнула пронзительным голосом:

– Стоять на месте, сучья морда!

Тут сторожа начальной школы обуял такой страх, что он рванул в ближайший кабинет – слава Богу, оказался открытым – захлопнул дверь и заложил ручку ножкой стула.

Снаружи забарабанили ногами, рвали дверь со злобой и при этом мерзко ругались.

Сердце в груди Серёги колотилось бешено, ослабли ноги, тело покрылось холодным потом.

– Чертовщина какая-то, – вслух сказал несчастный сторож, чтобы успокоить себя, а глаза и мысли искали пути отступления.

Роковым для Серёги оказался его случайный взгляд на зеркало, что висело в углу кабинета над раковиной. Не признав себя в отражении – взъерошенного, с безумными глазами – он, опрокидывая столы и стулья, рванулся к окну и рыбкой нырнул сквозь стекло в чёрную бездну.

Серёга осенью собирался в армию – мечтал служить в ВДВ. Голубой берет так и остался мечтой, но кличку «Десантник» заслужил честно.

.... Помощник дежурного райотдела милиции сержант Маслюков сидел за пультом и листал иллюстрированный журнальчик. В дежурке было душно и накурено. В открытую форточку лениво тянулся табачный дым.

Представив вместо обнажённой красавицы из журнала свою жену-толстушку, Маслюков прыснул смехом, отвернулся к окну и вдруг заметил, что к райотделу через лужи напрямик шагает какой-то странный человек. Странной у него была походка – механическая, как у робота. Большого увидеть сержанту не позволил тусклый свет уличного фонаря.

Маслюков тяжело вздохнул – начинается! Берегись козла спереди, коня сзади, а плохих вестей со всех сторон.

Приглядевшись внимательнее, он вдруг заметил на незнакомце милицейскую форму с погонами полковника. Маслюков торопливо сунул недокуренную сигарету в пепельницу и заметил, что она уже полна окурками. Сержант высыпал их на лист бумаги, завернул, поискал глазами – куда бы выбросить, и сунул свёрток в карман.

Отворилась входная дверь. На пороге райотдела возник полковник.

Мать честная! От одного взгляда на него у сержанта Маслюкова волосы встали дыбом.

У вошедшего было чёрное, изъеденное червями лицо, глубоко запавшие глаза, на скулах клочки растительности, на полковничьих погонах выпавшие из головы волосы.

Опрокинув стул, помощник дежурного выскочил в коридор. За спиной раздался басовитый хохоток. Маслюков вихрем промчался коридором, откинул запор, заскочил в камеру предварительного заключения, захлопнул дверь и впился в неё ногтями.

– Ты что, начальник, в прятки играешь? – несколько голов повернулось к нему с нар.

– Не знаю, ничего не знаю, – на испуганном лице сержанта появилась глуповатая улыбка. – Там кто-то ходит.

Заключённые повскакали с нар.

– Не открывайте, не открывайте, не надо! – Маслюков загородил грудью дверь камеры.

– Да успокойся ты, сядь вон, посиди – один из задержанных ловко извлёк из кобуры пистолет Маслюкова и подтолкнул самого вглубь камеры.

Сержант повиновался.

С пистолетом в руке задержанный приоткрыл дверь камеры и высунул голову в коридор.

– Осторожно, Блоха, – посоветовали ему товарищи.

Блоха повертел головой и в конце коридора увидел капитана Морозова с оружием в руках. Справляя нужду в туалете, дежурный райотдела, услышал грохот стальной двери предвараилки. Он замер на месте, прислушиваясь – кому это понадобилось открывать камеру задержанных в такое неурочное время? Может, привезли кого? А может...?

Осторожный Морозов извлёк на свет Божий оружие и приоткрыл дверь в коридор. В то же мгновение какая-то странная фигура вошла в комнату дежурного, что категорически запрещено инструкцией.

– Стоять! – запоздало крикнул капитан. – Руки в гору!

Блохин, бросив трофей, немедленно вскинул руки вверх. Однако, устремлённые мимо него взгляд офицера и зрачок его пистолета, озадачили арестованного. Блоха повернул голову в другой конец коридора и увидел распахнутую дверь дежурки. В этом, впрочем, не было ничего удивительного, коль сам её обитатель сидел за столом камеры и, стуча зубами об алюминий, пытался напиться из пустой кружки.

Осторожно ступая на цыпочки, капитан Морозов двинулся по коридору. Когда он миновал предвариловку, Блоха подобрал пистолет и последовал за ним, напряжённо переставляя ноги. Вот и распахнутая дверь дежурки. Слышно, кто-то щёлкал тумблерами и настраивал микрофон рации глухим покашливанием. Морозов осторожно заглянул за дверной косяк. Ниже, встав на колени, просунул голову Блоха.

Террорист, захвативший дежурку, был высок фигурой и страшен ликом.

– Ой, ...ля! – Блоха не смог удержаться от возгласа.

Ужасный полковник повернул своё лицо к двери, и в тот же миг грохнул выстрел – сдали нервы капитана Морозова. Пуля вмяла террористу верхнюю губу в рот, вылетела с обратной стороны, обдав чёрными брызгами стену и окно. Незнакомец дёрнулся от удара, но не упал. Он поднялся и шагнул навстречу направленным в него пистолетам.

– Вот я вас! – он вытянул вперёд руку с тёмными пальцами и длиннющими ногтями.

Никого схватить ему не удалось, так как Блоха наперегонки с капитаном Морозовым бросились прочь по коридору. Заключённый заскочил в камеру и прикрыл за собой дверь, вцепившись в сталь ногтями, как прежде Маслюков. Дежурному ничего не оставалось, как закрыться в туалете.

– Что там? Кто там? – заключенные подступили к Блохе.

– Там, братва, такое творится, – он облизал пересохшие губы. – Менты с ума посходили, палят друг в друга. А один – вылитый трупак. Я таких даже в морге не видел.

– Ты чего в дверь вцепился?

– А хрен его знает – со страху, должно быть.

Блоха прошёл вглубь камеры, присел к столу, приглядываясь к Маслюкову, трясшему над ладонью перевернутую кружку.

– А гость-то наш, похоже, того, – Блоха покрутил у виска пятернёй.

– Да хрен с ним, – зэки осторожно приоткрыли дверь камеры и выглянули в коридор.

– Что там? – спросил Блоха, которому выпавшие испытания и пистолет в кармане придали права и уверенность лидера.

– А никого.

– Может, ты слепой?

– Только на один глаз, – обиделся его товарищ. – А вторым совсем не вижу. Сам посмотри.

– Я уж насмотрелся.

– Что делать будем? – Зэки уселись за столом, потеснив глуповато улыбающегося сержанта. – Может, на свободу с чистой совестью, пока менты в войну играют?

– А как же трупак ходячий? Не зря ж поганые всполошились.

– Братва, к чёрту ментов – добудем свободу своими руками.

– Лучше ногами.

– Первый пошёл, – сказал Блоха и кивнул на дверь.

Первым быть никто не захотел.

– Идёт! – взвизгнул зэк, дежуривший у двери.

Все дружно бросились по нарам, только Маслюков, покрутив головой, не спеша полез под стол. Прошло несколько минут. В коридоре было тихо. Такая же напряжённая тишина царил в камере.

Кто-то предложил выкинуть Маслюкова в коридор и посмотреть, что будет, как поведёт себя трупак. Предложение всем понравилось, но Блоха опередил. Прокравшись на цыпочках к двери, он выглянул в коридор, покрутил головой.

– Никого, – сказал он хриплым шёпотом и скрылся за дверь.

Когда следующий смельчак выглянул в коридор, Блоха уже добрался до дежурки, осторожно заглянул, встав на четвереньки, потом выпрямился и развёл руки – никого! Миновав пустую дежурку и приёмную для посетителей, теперь уже вдвоем зэки осторожно отворили входную дверь. Сырая тёмная ночь манила под своё покрывало. До свободы – два шага. Беглецы готовы были уже сорваться с места в галоп, но на стук захлопнувшейся двери из стоявшего на стоянке «уазика» высунулась голова:

– Куда? А ну, марш в камеру!

Трупак! Он возился в дежурной машине, то ли пытаясь завести, то ли настраивая рацию, а теперь, растопырив руки, двигался на зёков на полусогнутых ногах – так хозяин загоняет бестолковых кур в клетушку.

Господи спаси! Ненавистная ментовка стала милей родного дома. Беглецы, на мгновение застряв в дверях, бросились обратно. Блоха ещё успел содрать в дежурке гардину и заклинить ею дверь прежде, чем потусторонняя сила рванула её к себе. Дверь выстояла, гардина не согнулась. Потом раздался звон разбитого стекла – кто-то штурмовал окно дежурки, но, слава Богу, но нём была решётка.

Началась осада.

Зэки снова собрались в камере предварительного заключения. Здесь было маленькое зарешёченное окошечко под самым потолком, да и оно выходило во двор. Здесь было обжито и понятно, всё остальное пугало.

– Дело ясно – дело дрянь, – сказал Блоха, прислушиваясь к неистовству трупа на улице. – На нас напал какой-то зомби. Он неуязвим, цели его непонятны, силы неизмеримы. А это значит, что врага надо ждать в любую минуту в любом месте.

– Охрана, – подал голос Маслюков. – Охрана вневедомственная ничего не знает. У них отдельный вход и через него можно проникнуть в райотдел.

– Оклемался, бедолага, – Блоха любовно-ласково погладил сержанта по голове и вдруг округлил глаза, постигая услышанное. – Бежим!

Увидев пистолет в руке гражданского человека, дежурный вневедомственной охраны лейтенант Саладзе машинально вздёрнул руки, а оператор у пульта чисто по-бабьи заголосила:

– Ой, родимые не надо – я замужняя.

– Заткнись! – посоветовал Блоха. – Где остальные?

– Отъехали, – с трудом разлепил губы дежурный лейтенант.

– Закрывайте, братцы, двери, – приказал Блоха.

– Да они закрыты. Тут крючара – хрен выдернет!

– Слышь, гад уже по двору ходит.

Все прислушались. В вольерах бесновались собаки.

– Во двор выход есть? – спросил Блоха лейтенанта.

– Есть. То есть, нет. Я не помню, – растерялся дежурный охраны.

– По башке дам – вспомнишь? – спросил Блоха.

– Нет двери, нет, – сказала оператор, не тревожась более за свою честь. – Была да заделали, когда туалет тёплый в здании построили.

– А у вас тут хорошо, – позавидовал Блоха. – Телевизор, кофеёк, сахарок. Угощайся, братва. Вот ведь что интересно – когда горе какое пристигнет, людишки в кучу сбиваются, и по фигу – мент ты или наоборот. Инстинкт такой в обществе выработался – беду сообща легче перемочь. Слышь, лейтенант, сходи на разведку, узнай, где этот чёртов трупак и что замышляет. Боишься? Ты ведь смелым должен быть – присягу принимал.

– Ой! – ахнула оператор охраны и указала пальцем в окно.

Все оглянулись и увидели Стародубцева, наплывающего из темноты. Ужасный полковник рванул обеими руками решётку, но она не поддавалась. Тогда он сунул руку меж прутьев и надавил ладонью на окно. Рама прогнулась, стёкла лопнули и посыпались мелкими осколками.

Дробный топот по половицам множества удирающих ног разнёсся по зданию. В спину убегающим раздался злобный крик бывшего начальника райотдела полковника Стародубцева:

– Лейтенант! Стой, поганец! Не позорь органы.

Будто пуля впиалась в поясницу Саладзе и поделила его туловище на две половины. Верхняя, вслед за вытянутыми руками, ещё стремилась прочь, а ноги вросли в пол. Лейтенант медленно оглянулся, чувствуя, как на голове зашевелились волосы, и глаза полезли на лоб.

Труп стоял за окном, держась руками за прутья решётки, и сверлил взглядом Блохина. Тот не поддавался общей панике, а выпучив глаза, созерцал неповторимое в своём роде аномальное явление – двигающегося и говорящего мёртвого человека.

– Марш в камеру! – рявкнул Стародубцев.

– А ты на кладбище! – криком на крик, млея от страха, ответил Блоха и лейтенанту. – Вспоминай, родимый, когда вы полканов хоронили, ведь где-то ж я видел эту мерзкую харю.

Саладзе начисто забыл русский язык, с трудом разлепил губы и понёс какую-то тарабарщину.

Блоха попятился к стене, сунув руку в карман, стараясь держать в поле зрения обоих ментов – мёртвого и сумасшедшего.

Стародубцев некоторое время слушал жалкий лепет лейтенанта, а потом рявкнул:

– Пьян?

К Саладзе вернулся дар нормальной речи:

– Никак нет.

– А что плетёшь? Значит так, лейтенант – задержанных в камеру, а отдел поднять по тревоге. У первого секретаря райкома партии товарища Ручнёва похищен очень важный предмет, его надо срочно найти.

Дежурный вневедомственной охраны обратил беспомощный взгляд к Блохину – может, у него опять проблемы с русским, и он чего-то не понимает.

– Это у вас, жмуриков, игра такая на кладбище? – вмешался Блохин. – В секретарей, райкомы, социализм. Окстись, полковник, страной буржуи правят.

– Как буржуи? – удивился Стародубцев.

Очень ему не хотелось беседовать с заключённым, но лейтенант, судя по всему, маловменяем, а этот малый – ничего, держится и говорит толково, вот только что...

– Как буржуи?

– Да просто очень – захватили власть, поделили богатства и живут припеваючи, а ваши долбаные органы их охраняют.

Новость до глубин сгнившего тела поразила Стародубцева.

– А партия?

– Сама разбежалась.

– КГБ, МВД?

– Контору закрыли, а менты сплошь поганцы да засранцы, как были, так и есть – к любой власти приносятся.

– Народ?

– Обманули народ сладкими речами да западной мишурой. Сначала Горбатый, потом Беспалый – одни уроды во власти, вот и довели Россию. Раньше Западу кулаком грозили, а теперь туда с протянутой рукой. Вот так, полкан. Живём хуже эфиопов, а тут ты нарисовался – людей булгачишь. Шёл бы к себе на мазарки, а?

Услышанное настолько поразило Стародубцева, что он почувствовал сбой в работе головного мозга – никак не мог сосредоточиться, осмыслить и понять, как такое могло произойти. Наверное, Владимир Иванович, самый умный из экспериментаторов, мог бы что-нибудь прояснить. Стародубцев, как настоящий полковник, не привык долго колебаться и принял решение.

– Слушай мою команду, лейтенант – заключённых в камеру, дежурных на посты. Вернись, приму руководство отделом на себя.

Стародубцев развернулся на месте и, механически ступая, ушёл в темноту.

Вскоре в притихшем отделе раздались негромкие звуки перемещений. Извлечённый из туалета после продолжительных переговоров капитан Морозов принял командование. Заключённые без колебаний вернулись в камеру предварительного заключения. Заметив среди них сержанта Маслюкова, дежурный возмутился:

– А ты куда? Смотри, Маслюков. Где твой табельный?

Блоха вернул оружие.

– И чтоб ни гу-гу, – погрозил Морозов пальцем и закрыл стальную дверь.

3

Лишь только Владимир Иванович Ручнёв шагнул на ступеньки райкома партии, дверь предупредительно распахнулась.

– Милости просим, Владимир Иванович. Я знал, что однажды вы вернётесь.

– Ты кто? – спросил Ручнёв, вглядываясь в заросшее щетиной лицо ночного сторожа.

– Вобликов, завотделом пропаганды и агитации, помните?

– Здесь что делаешь, зав?

– Работаю, Владимир Иванович, как должен работать каждый, кому дороги идеалы революции и родной Советской власти. Сторожу, одним словом. Вы проходите, проходите: здесь никого больше нет.

– Пришёл, наш родименький, вернулся, – суетился Вобликов, пропуская в здание музыкальной школы, а прежде – районного комитета партии, его бывшего первого секретаря. – Ну, теперь порядок будет. А я вот здесь сижу, поглядываю – чья возьмёт. Не верится, что в Лету канули наши могучие устои, наша всепобеждающая идеология.

– Что, аппаратчики за власть перегрызлись? – усмехнулся Ручнёв.

– Хуже, Владимир Иванович, гораздо хуже. Строили мы коммунизм, думали вот-вот и на века, а подул ветерок покрепче – и нету его, одни развалины остались.

– Что городишь? – Ручнёв остановился в полутёмном фойе.

– Правду, истинную правду, Владимир Иванович. Сколько раз в жизни убеждался в могучей, всепобеждающей силе большевистской правды. Наш советский человек всегда эту правду почитал. Могу ли теперь врать? – обиделся Вобликов.

– А кто портфели захватили? – насторожился Ручнёв.

– Так ведь что интересно, – сторож вознёс указательный палец. – Все партийцы бывшие. Где-то мы с вами, Владимир Иванович, проглядели-недоглядели за криводушными людишками: подняли, обласкали, а они в ответ – даешь демократию, долой КПСС! Хотя нет, вру, наверное. Не так власть перекрашивалась. Один дурак брякнул, как вождь когда-то, с броневика, а толпа подхватила. Номенклатура наша нет бы рот заткнуть крикунам, тут же стала подстраиваться да пристраиваться, чтобы власть не потерять да кусок пожирнее отхватить от народного пирога. Вот так и развалили великий и могучий Советский Союз.

– Ты о Вожде поосторожней, – заметил Ручнёв, размышляя об услышанном.

– А-а, – махнул рукой Вобликов. – Один остался, без охраны, не сегодня-завтра из Мавзолея на кладбище снесут. Докатились, одним словом.

Бывший секретарь вскинул голову и уставился на сторожа единственным глазом. Взгляд был ужасен, но Вобликов выдержал и печально покачал головой:

– Да-да, не удивляйтесь нашим переменам. Страна до ручки докатилась – прибалты бочку катят, грузины с хохлами норовят палку в ноги сунуть. Ну, а больше всего вреда от собственных буржуев – всё крадут и тащат за границу. Скоро в богатейшей некогда стране шаром покати – ничего не останется. Промышленность развалили, – Вобликов стал загибать пальцы. – Сельское хозяйство – топором под корень. Торговлю отдали на откуп спекулянтам.

– Как такое могло случиться? – Ручнёв ощутил признаки подступающего страха.

Растерянность бывшего первого придала уверенности сторожу музыкальной школы. Он панибратски подмигнул собеседнику и сказал очень даже снисходительно:

– Я полагаю здесь тщательно спланированную и широкомасштабную диверсию ЦРУ. Долго мы не поддавались, но таки одолели нас янки проклятые. Нет больше социализма на Земле!

– Странные вещи рассказываешь, Вобликов, – Ручнёв пытался взять контроль над своими расшалившимися нервами. – Не врешь? Не пьян? Говоришь, буржуи у нас объявились?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.